
АРХІВНІ ЗНАХІДКИ І МАТЕРІАЛИ

УДК 94(477.51):821.161.1-6 (092)"1830"
DOI 10.31654/2520-6966-2020-14i15f-100-100-106

С. О. Половнікова

старший науковий співробітник Чернігівського історичного музею ім. В.В. Тарновського

Василь Тарновський і Микола Гоголь: епістолярій. Невідомий лист В. В. Тарновського до М. В. Гоголя. 1830 р.

У статті наводиться текст листа Василя Тарновського (1810–1866) до Миколи Гоголя, у якому повідомляється про його життя після повернення з Петербурга в Україну: епідемію холери, проблеми господарювання, майбутню подорож до Німеччини. Згадуються прізвища колишніх випускників Гімназії вищих наук в Ніжині та викладачів, звільнених за причетність до "Справи про вільнодумство".

Ключові слова: В. В. Тарновський, М. В. Гоголь, сім'я, товариші, листи, холера.

В архівно-літературному фонді Чернігівського обласного історичного музею імені В. В. Тарновського зберігається розмаїття рукописів різних епох та авторів [4, с. 46–50]. Серед матеріалів епістолярного жанру вирізняється архів родини Тарновських за № 504, опис 17. У зв'язку з підготовкою виставок до 180-річчя Василя Васильовича Тарновського (1838–1899), чия колекція українських старожитностей лягла в основу музею, відкритого 1902 року в Чернігові; до 155-ї річниці від дня народження його племінника Михайла Володимировича Тарновського (1865–1943), який став своєрідним літописцем славетного роду і цьогорічного ювіляра – Василя Васильовича Тарновського-старшого, від дня народження якого минає 210 років, особлива увага приділялася вивченню рукописної спадщини. Що стосується останнього, то особистість Василя Васильовича розглядається у контексті ще однієї історичної події – 200-ліття відкриття Ніжинської гімназії вищих наук, яку він закінчив у першому випуску 1826 року.

Серед "одноборщників", які залишили помітний слід в біографії Тарновського, був і Микола Гоголь – автор цієї дотепної назви своїх

товаришів по навчанню, дружні відносини з яким зберігалися протягом його життя.

В альбомі "Качанівка", започаткованому Григорієм Степановичем Тарновським для гостей славнозвісного маєтку, є автограф видатного письменника [3, 29]. На жаль, за яких обставин і в якому році він з'явився, досі не з'ясовано. Ту ж сторінку прикрашають підписи Михайла Івановича Глінки, Миколи Андрійовича Маркевича та Василя Івановича Штернберга, які перебували там влітку 1838 року.

Неоціненим скарбом музею є три оригінали листів М. Гоголя, надіслані В. Тарновському у 1833–1834 роках [5]. Він цікавився перебуванням товариша в Житомирі – Тарновський викладав там у місцевій гімназії. З притаманним письменнику гумором розпитував і про особисте життя: "А что, как твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленького крикуна-козленка, который имеет от тебя быть. Пожалуйста, уведоми меня, когда будут крестины" [6].

Гоголя дивувало, що людина, яка отримала блискучу освіту, адже Тарновський закінчив юридичний факультет Московського університету, не має можливості влаштуватися на більш престижну посаду. Микола Васильович звернувся з листом до Михайла Олександровича Максимовича, призначеного у 1834 році ректором Київського університету св. Володимира. Він писав: ".. Есть некто мой соученик, чрезвычайно добрый малый и очень преданный науке. Он, имея довольно хорошее состояние, решился на странное дело и захотел быть учителем в Житомирской гимназии из одной только страсти к истории. Фамилия его Тарновский. Нельзя ли его как-нибудь перетащить в университет?.." [1, с. 348]. Але смерть батьків, опіка над молодшими братами та сестрами не дозволили Василю Васильовичу скористатися рекомендацією Гоголя. Згодом він проявив себе на іншому поприщі, як активний діяч з підготовки та втілення в життя селянської реформи 1861 року.

Є свідчення, що спілкування між товаришами продовжувалося і в наступні роки, але з перервами. Ім'я Миколи Гоголя, вже як відомого письменника, шанувалося в родині Тарновських. Про зацікавленість його творами свідчать рядки з листа Емілії Василівни Тарновської до брата Василя: "Из твоих знакомых я еще никого не видела. Кукольник еще недавно возвратился из Вильны и еще не был у нас; Гоголь также возвратился из своего вояжа и говорят навез очень много материалов для сочинения – вероятно также и сочинения, желала бы познакомиться с этим человеком. Он так сильно подействовал на мою душу своими сочинениями. Но кажется желание мое не сбудется – он не нравится дяденьке. Я

воображаю як его бесіда цікава, он кажа два гады пражыў у Парыжы, быў у Італіі, у Германіі" [7, с. 4].

Асабліва яркава піша пра майбутню сустрэчу з Міколам Васільевічам маты Васіля Тарновскага-маладога Людміла Володзімірўна ў лісьці да сына ад 26 жовтня 1850 року: "... Сёньня мы чакаем на абед Архіера, які пераезжае сваю епархію, і абяцаў быць у нас. Таксама чакаем Гоголя, он быў ужо ў нас два разы, а цяпер будзе зноў, ехаўшы ў Одэсу. Он друг папін, яны разам выхаваліся. Ты добра ведаеш, што Гоголь – вядомы пісьменьнік. Памніш ці ты яго творы Тараса Бульбу і Сору Івана Іванавіча з Іванам Нікіфаравічам. Памніш, як ты сміяўся, калі папа чытаў Івана Іванавіча. Он і цяпер чытаў нам сваё творы, якім мы дзіўніліся" [8]. На жаль, гэты падзея не адбылася, бо, як сведчыць хроніка жыцьця Міколы Гоголя, 26 жовтня 1850 року ён ужо прыехаў у Одэсу. Смерць сустрэчы не адбылася і наступнага року, хоць Васіль Тарновскі вельмі спадзіваўся на яе: "С нетерпением чакаю я і жонка мая тваёга прыезда, мілы друг Нікалай Васільевіч, і надзеюся, што ты заедзеш к нам не на гадзіну, а па крайняй меры на дзень, калі не больш. Падарожная для цябе даўно ўзята і чакае цябе ў Потоку. Мы з жонкай пачынаем ужо марыць, што ты падумаў ехаць у Одэсу, пражывеш зіму ў гэтых месцах і мы будзем мець многа насладзеньняў. Цяпер, здаецца, нашы здадкі зрушыліся; па крайняй меры ўтешаюся мысляю, што наша дружба юнаці, аднавіўшыся так для мяне неадчакана ў зрелыя гады, зацвердзіць і мы будзем жыць, як браты. Усё тваё В. Тарновскі" [11, 834]. Гэты лісьці быў датаваны 10 лістапада 1851 року, а ўжо 21 лютага 1852 року пісьменьніку не стала. Надрукаваў яго вядомы дасьледнік біяграфіі М. В. Гоголя Васіль Шенрок. Гэты адзіны надрукаваны лісьці ад Васіля Тарновскага да пісьменьніка.

Тэкст ліста, які прапонуецца, вяртае нас у 1830 год. Ён цікавы сваёй шчырацю, дае магчымасьць зазірнуць у жыцьця маладой чалавечы, якая яшчэ не знайшла свайго месца, вярнуўшыся да роднага дома з Пецярбурга. Васіль Тарновскі апісвае стан грамадства, наляканага эпідэміяю холеры, яе наступствы для мясцовага насельніцтва, асабліва сялян. Не забывае ён пацікавіцца і жыцьцям калішніх выпускнікаў гімназіі, а апошняя прыписка да ліста сведчыць пра прызнаньне Тарновскага ў справе прадвыступнікаў выкладчыкаў Білоусова, Зінгера і іншых. Хоць Мікола Гоголь быў толькі на парозе літэратурнай славы, але яго ўспех ужо адзначаецца Васілем Тарновскім.

Лист написаний російською мовою на чотирьох сторінках білого нині пожовклого паперу чорним чорнилом. На першій сторінці зверху два штампи з інвентарними номерами, на четвертій – штамп з емблемою музею. Текст листа відтворено у публікації за нормами сучасного російського правопису.

Лист В. В. Тарновського до Миколи Гоголя

"Наконець пора мне пенять тебя, любезный Николай; на два письма своих не получаю от тебя ответа. Не знаю, что думать или ты слишком уже разгневался, или хочешь забыть меня. На последнее не надеюсь, а в первом надеюсь покаешься. Я тоже, как известно тебе, ленив, но часто заглядываю в Каталог твой и припоминаю свою обязанность и обещание. Одно письмо отправлено мною чрез дядюшку, а другое чрез почту. Теперь, чем далее, тем интереснее от друзей получать известия. Живем мы в смутные времена, во времена опасности. Слухи, может быть, несправедливые разглашают, что и Петербург уже в опасности от холеры. У нас только и разговоры, что об сей болезни. В обществе исполнены географическими, историческими, медицинскими наблюдениями сей болезни. Все боятся, а особливо женщины весьма многие. Но меня до сих пор нимало не пугают эти страхи от больших, вечных рассказов об одном и том же. Для меня холера стала смешною. Не знаю, чем это кончится, может быть баба-яга рассердится на меня и поглотит первого за насмешки, а может быть среди всех один останусь невредимым и буду торжествовать над треклятою. Когда бы ты послушал рассказы в нашем народе, ты бы расхохотался. У него уже холера олицетворилась в виде старухи, похожей на ведьму, с змеем огненным, вьющимся на голове. Сколько рассказов таинственных, сколько в обществах суждений о наказании божием, о развращении века, о преставлении света, а особливо между старухами и это все с глубокими вздохами и нападениями на молодежь. Мне суждено жить в Малороссии в такое время, когда она имеет предмет всех занимающий. До холеры только было и речи о майоратстве и переменах законов. Но те даже были еще несноснее и менее разнообразные, нежели речи о треклятой бабе. По приезде из Киева я все почти сию дома. Редко у кого бываем от смуты, и у нас почти никто не бывает. Сидим уединенно и толкуем об одном и том же. Близость болезни и некоторые другие обстоятельства помешали мне ехать в Полтаву, и теперь решено уже оставаться мне дома до февраля месяца, а в феврале еду за границу к дядюшке. Кроме теплых вод, которые поправят мне здоровье, а сколько будет новых впечатлений, может развеять мою жизнь до сих

пор столь однообразную. Еду я с Буличем, который на сих днях был у нас и тебя вспоминал. Теперь думаю поучиться несколько немецкому языку. Сделай одолжение, любезнейший, [два слова нерозбірливо – С. П.], пришли мне маленький немецкий лексикончик, кажется Штейна, если не упомянул издателя, то еще немецкую грамматику Ульрихса. Пожалуйста, поскорее исполни мое первое поручение, избавь меня от многих хлопот, исполни данное обещание. Из Нежина не имею верных известий. Говорят, что Ландражену и Зингеру велели подать в отставку. Чтение мое теперь весьма ограничено, по причине отсутствия моего дяди, у коего я запасался книгами. Занимаюсь писанием некоторых статей о Малороссии, более по привычке и по любви, нежели из каких-либо видов. Кланяюсь всем нашим живым. Любичу скажи, что я читал стих в "Сыне отечества". Две картины и столь постигнул дух его писания, что в подписи "Р–ч" узнал Романовича. Мне особенно понравилось о [два слова нерозбірливо – С. П.] с восклицательными и вопросительными знаками. Отыщи и улыбнись честолюбию и Гл. Что други делают, я ничего не знаю давно: опиши, верно есть перемены, я их люблю много; с воспоминаниями об них связаны лучшие мечты о прошедшем и о детстве гимназическом и том, что везло. А милый полковник, что делает? Я счастлив среди семейства своего, о котором тосковал много; но всегда человеку недостает чего-то и мне недостает многого. Вообрази себе, что я с одним прошедшим поколением, нет ни одного молодого человека, разве какая заваль. Как я обрадовался, когда увидел Аполлона Мокрицкого. Он везет письмо к тебе, но по известиям застрял в Калуге и ожидает не будет ли Москва свободна. В том письме ты узнаешь многое: если ты его не получишь по каким-либо обстоятельствам, то знай, что в августе я был в Киеве, в котором другого пола, также нет кроме родни, а это вещь довольно скучная. Словом сказать я счастлив только в семействе. Как жаль, если пропадет письмо, не будет тебе доставлено, я много от этого потеряю удовольствия. Хозяйством не занимаюсь, трудно молодому вместе со стариками хозяйничать. Не могу только исполнять, а управлять не имею права. Учю брата читать. Вот все дела мои, но я сделался веселее, с меня спала та жестокая тоска, которая овладела мною в Петербурге. Родной климат поправил и здоровье мое, но во сне чувствую струю туману и иногда служу вместо барометра для предсказания погоды. Что? Действует ли барометр полковника? Иногда поигрываем в вистик, хотя немного, ибо нет близкой партии – раза три играл, не более. Ты уже я думаю в литературной славе, а до сих пор еще ничего мне

не пишешь. О, лентяй. Худо я сделал, что не подарил тебе книги с надписью. Приходит ли на тебя голодное время, как бывало во время оно? Или уже живешь да поживаешь. Скажу тебе и о бедственном состоянии Малороссии. Сей год есть самый критический в нашем хозяйстве. Скота в три года почти половина у всех пропала. Недород хлеба заставляет помещиков кормить крестьян или пустить шататься по миру. Табак не идет в Москву по причине холеры. Сено не берут потому, что скот пропал и в цене не стоит. Словом сказать горе. Надобно жить с капитала. Счастлив, кто призапасся в хорошие годы. Горелка мало ходит и дешево в отношении к хлебу, так что почти нет выгоды курить, и причина сему в бедности мужиков, которым нечего есть скоро будет, не только пить. И при собирании податей беда будет. Этот год последствия будет иметь важные. Помещикам добрым, кормящим своих крестьян привяжут сии последние и поменьше будут завидовать вольным, а с худыми помещиками может быть худо – вопли, жалобы и тем далее. А потому весьма часто старики после собравшись шепчутся, что будто не будет тихого времени, как они прожили и боятся нравственной холеры. Но я ничего не боюсь – ибо уверен, что все идет к лучшему в мире. Прощай, милый друг. Помню всегда тебя. Преданный В.Тарновский.

1830 в Антоновке.

Еще новость новейшая: сестра моя сговорена. В генваре будет свадьба. Придется работать и моим кривым ногам. Из гимназии Ландражин, Зингер, Белоусов, Шапалинский удалены" [10, с. 1–4].

Література

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 10.

2. Державний архів Чернігівської області. Ф. 127, оп. 14, спр. 1479. У формулярному списку запис про перебування Г. С. Тарновського за кордоном з 6 вересня 1830 р.

3. Качаніка: альбом автографів / авт.-упоряд. С. Половнікова. Київ: Темпора, 2010.

4. Ситий І. М. Архівна колекція Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського. *Скарбниця української культури*: зб. наук. праць. Чернігів, 2002. Вип. 2.

5. Чернігівський обласний історичний музей імені В. В. Тарновського (далі ЧОІМ). Інв. № Ал-151, 152, 153.

6. ЧОІМ. Інв. № Ал-152.

7. ЧОІМ. Інв. № Ал-504/30/3.

8. ЧОІМ. Інв. № Ал-504/23/14.

9. ЧОИМ. Інв. № Ал-504/11/3. Дозвіл на шлюб Марії Тарновської та Миколи Александровича від 11 листопада 1830 р.
10. ЧОИМ. Інв. № Ал-504/30/17.
11. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. Москва, 1897. Т. 4.

References

1. Gogol, N. V. (1940). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works]. Moskva: Izd-vo AN SSSR (Vols. 1–14; Vol. 10) [in Russian].
2. Derzhavnyi arkhiv Chernihivskoi oblasti [State Archive of Chernihiv region]. aids. 127, foi. 14, p. 1479. In the form list the record of G. S. about Tarnavsky's staying abroad since September 6, 1830.
3. (2010). S. Polovnikov *Kachanivka. Album of autographs* [Kachanika. Albom avtohraviv]. S. Polovnikov (Ed.). Kyiv [in Ukrainian].
4. Sity, I. M. (2002). *Arkhivna kolektsiia Chernihivskoho istorychnoho muzeiu im. V. V. Tarnovskoho* [Archival collection of the Chernihiv Historical Museum named after V. V. Tarnovsky]. *Skarbnytsia ukrainskoi kultury – Treasury of Ukrainian culture*. Chernihiv, 2 [in Ukrainian].
5. *Chernihivskiy oblasnyi istorychnyi muzei imeni V. V. Tarnovskoho* [Chernihiv Regional Historical Museum named after V. V. Tarnovsky] (hereinafter CHOIM). Inv. AI-151, 152, 153.
6. CHOIM. Inv. AI-152.
7. CHOIM. Inv. AI-504/23/14.
8. CHOIM. Inv. AI-504/11 / 3. Marriage permit for Maria Tarnovska and Mykola Oleksandrovych dated November 11, 1830.
10. CHOIM. Inv. AI-504/30/17.
11. Shenrock. V. I. (1897). *Materyaly dlia byohrafiy Hoholia* [Materials for Gogol's biography]. Moskva (Vols. 1–4; Vol. 4) [in Russian].

S. O. Polovnikova

senior researcher at the Chernihiv Historical Museum. V. V. Tarnovsky

Vasyl Tarnovsky and Mykola Gogol: epistolary. Unknown letter from V. V. Tarnovsky to M. V. Gogol. 1830

The article presents the text of a letter from Vasyl Tarnavsky (1810 - 1866) to Mykola Gogol, which informs about his life after returning from St. Petersburg to Ukraine: the cholera epidemic, economic problems, a future trip to Germany. The names of former graduates of the Gymnasium of Higher Sciences in Nizhyn and teachers fired for involvement in the "Case of Free Thought" are mentioned.

Key words: V. V. Tarnovsky, M. V. Gogol, family, companions, letters, cholera.